

Удмуртский женский головной убор *айшон* в описаниях и графике XVI–XVIII вв.

Е. Е. Нечвалода

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН,
г. Уфа, Российская Федерация,
pishi-nikonor@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена анализу ранних источников об айшоне – старинном женском головном уборе удмуртов. Хронологические рамки исследования ограничены, с одной стороны, самым первым свидетельством об айшоне (XVI в.), а с другой, эпохой первых экспедиций в России (XVIII в.), заложивших фундамент будущих этнографических изысканий.

Цель: определить степень достоверности и информативности описаний и изображений удмуртского головного убора XVI–XVIII в.

Материалы исследования: труды путешественников XVI–XVIII вв., содержащие данные об айшоне.

Результаты и научная новизна. В статье осуществлён сравнительный анализ материалов об айшоне в источниках XVI–XVIII в. Сопоставляются между собой тексты, гравюры с текстами, ранние источники с этнографическими материалами кон. XIX – нач. XX в. Впервые публикуются вместе все оригинальные графические образы и описания этого головного убора, относящиеся к указанному временному периоду. Характеристики айшона, присутствующие в описаниях в целом соответствуют друг другу, а также известным его изображениям и позднейшим этнографическим данным. Материалы статьи могут быть использованы в этнографических и историкоэтнографических исследованиях.

Ключевые слова: удмурты, традиционный костюм, головной убор, айшон, экспедиции XVIII в., гравюры.

Благодарности: статья выполнена в рамках темы госзадания АААА-А18-118041290047-7 Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН.

Для цитирования: Нечвалода Е. Е. Удмуртский женский головной убор *айшон* в описаниях и графике XVI–XVIII вв. // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 728–738.

Udmurt woman headwear *ayshon* in descriptions and graphics of the XVI–XVIII centuries

E. E. Nechvaloda

R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies,
Ufa Branch of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation,
pishi-nikonor@yandex.ru

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the analysis of the early sources on the Udmurt ancient woman headwear. The chronological framework of the study is limited, on the one hand, by the very first confirmation of the *ayshon* (XVI century), and on the other hand, by the era of the first expeditions in Russia (XVIII century), which laid the foundation for future ethnographic research.

Objective: to determine the degree of reliability and informativity of descriptions and images of the Udmurt headwear of the XVI–XVIII centuries.

Research materials: works of travelers of the XVI–XVIII centuries, containing data about *ayshon*.

Results and novelty of the research: the article provides a comparative analysis of materials about *ayshon* in the sources of the XVI–XVIII centuries. Texts, engravings with texts, and early sources with ethnographic materials of the end of the XIX – beginning XX centuries are compared. For the first time, all original graphic images and descriptions of this headwear related to the specified time period are published together. The characteristics of the *ayshon* in the descriptions generally correspond to each other, as well as its known images and later ethnographic data. The materials of the article can be used in ethnographic and source studies.

Key words: Udmurts, traditional costume, headwear, *ayshon*, expeditions of the XVIII century, engravings.

Acknowledgements: the article is carried out within the framework of the state task АААА-А18-118041290047-7 of the R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Branch of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Nechvaloda E. E. Udmurt woman headwear *ayshon* in descriptions and graphics of the XVI–XVIII centuries // Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (4): 728–738.

Введение

Объектом данного исследования являются описания и визуальные образы старинного головного убора удмуртов айшона XVI–XVIII вв. Цель данной статьи: определить степень достоверности и информативности этих материалов. Для её достижения было необходимо решить ряд задач: выявить все известные описания и изображения удмуртского айшона, созданные в указанный исторический период, сравнить между собой тексты, соотнести вербальные и визуальные образы, сопоставить ранние материалы с более поздними этнографическими данными.

Айшон в конце XIX в. выходил из употребления и потому ранние сведения об этом уборе представляют большой интерес для этнографии. Они неполны, но очень ценны, так как позволяют увидеть этническую традицию в исторической перспективе. Обращаясь к ранним материалам по традиционной культуре народов России, этнографы изучали, в первую очередь, тексты путешественников XVI–XVIII в., оставленные ими описания. Среди изображений народов России, сделанных в этот период, в качестве объекта анализа и для иллюстраций чаще выбирались гравюры не участвовавшего ни в одной экспедиции Х. Рота, [10], иные графические источники XVIII в. использовались крайне редко. Визуальные образы, созданные во время путешествий, рассматривались преимущественно с позиций культурологии и источниковедения [3; 8]. По Е. Вишленковой эти изображения нельзя воспринимать как достоверный документ так как «графические типажи естествоиспытателей не были точной проекцией реальности даже на уровне эскиза» [3, 43]. В отечественной литературе подобное скептическое отношение к ранним визуальным материалам утвердилось после высказанного в середине XX в. Т. А. Крюковой тезиса: иллюстрации в трудах П. С. Палласа и И.-Г. Георги – это «вольное воспроизведение подлинников художником» [11]. На него ссылаются практически в каждой работе, посвящённой изображениям народов России в материалах экспедиций XVIII в., это утверждение берётся на веру и не перепроверяется поэлементным анализом запечатлённого костюма. Иллюстрацией культурологического подхода является одна из последних работ подобной тематики в области финно-угроведения, посвященная образам обских угров в гравюрах Х. Рота [4]. Собственно «остякам» Х. Рота автор посвящает всего половину одного абзаца [4, 791], его больше интересует не то, что изображено, а то, как изображено. Автор настоящей публикации в ряде своих статей, посвящённых ранним графическим образам

народов Волго-Уральского региона [16; 17; 28 и др.], доказывает, что они – полноценный этнографический источник.

В этой статье впервые сведены вместе все тексты описаний и оригинальные изображения айшона XVI–XVIII вв., а также осуществлен их сравнительный анализ.

Изучение этого корпуса источников помогает дать ответы на актуальные вопросы о статусе графических образов XVI–XVIII вв.: достоверны ли они и возможно ли опираться на них при этнографических исследованиях? Выводы и материалы статьи могут быть использованы в визуальной антропологии, источниковедении, а также в работах, посвящённых традиционному костюму удмуртов и других народов.

Материалы и методы

В статье анализируются тексты и визуальные образы в материалах руководителей австрийских дипломатических миссий в Москву XVI, XVII вв. (С. Герберштейна и А. Мейерберга), немецких учёных-естествоиспытателей – руководителей исследовательских экспедиций XVIII в. (Д. К. Мессершмидта, И. Г. Гмелина, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, И. П. Фалька, И.-Г. Георги), французских астрономов XVIII в., посетивших Сибирь (Н. И. Делиля, Шапп де’Отроша). Иллюстрации к трудам путешественников XVIII в. по России в дальнейшем неоднократно копировались для других изданий. В этой статье рассматриваются только изображения, связанные своим происхождением с экспедициями вглубь России. Исследование осуществляется методами сравнительного анализа.

Результаты

Самое раннее описание айшона относится к пер. пол. XVI в. Его оставил Сигизмунт Герберштейн в своём сочинении «Записки о Московии» (1549 г.). Он посетил Московию в 1517 г. и в 1526 г. В тексте «Записок» есть упоминания о мордве, черемисах, пермяках, татарах, «югричах», но нет свидетельств об удмуртах. Объяснение этому факту находим в тексте С. Герберштейна: «черемисы же живут за Волгой на север [...] живущие около Новгорода называются черемисами верхними или горными» [6, 303], «народ черемисов живёт в лесах под Нижним Новгородом» [6, 387], «этот народ населяет обширные пространства от Вятки и Вологды до реки Камы» [6, 387]. Но между речью Вятки и Камы не является территорией проживания марийцев, – это ареал компактного расселения удмуртов. Вероятно, С. Герберштейн под именем «черемисы» упомянул два народа –

марийцев и удмуртов. В. Н. Белицер высказывала схожую мысль: «вполне вероятно, что среди татар и черемисов, о которых писал С. Герберштейн, были и удмурты» [2, 9]. Подтверждением этого предположения служит приведённое С. Герберштейном описание женского головного убора вятско-камских «черемис»: «Женщины носят на голове (уборы), вырезанные из древесной коры, вроде диадем, как они изображаются у святых, и заправленные в круглый обруч, покрывая их платком» [6, 387]. Каркасные женские головные уборы существовали и у удмуртов, и у марийцев, но марийки не покрывали их платком. Вероятно, в «Записках» С. Герберштейн оставил первое упоминание об айшоне. Самым ранним изображением удмуртского женского костюма является иллюстрация «Wia(o)tagih(s): Tartar weib» в альбоме рисунков, сделанных художниками возглавляемого Августином Мейербергом австрийского посольства к московскому царю в 1661–1663 гг. [1; 16]. Удмуртка запечатлена в высоком уборе, покрытом платком с бахромой по краям (рис. 1а).

В XVIII в. изображения и описания айшона были сделаны участниками экспедиций, работавших на территории Российской империи. Д. К. Мессершмидт, возвращавшийся в 1726 г. из Сибири в Санкт-Петербург через северные районы расселения удмуртов, оставил описание айшона: «над чепцом они носили высокий головной убор в фут высотой и почти такой же в ширину, <сделанный> из бересты, покрытый белой крапивной тканью и спереди надо лбом на половину высоты вышитый разноцветной шерстью и шёлком, и украшенный множеством стеклянных бус или разноцветной эмалью (по-русски бисер) и четырьмя-пятью горизонтальными рядами свинцовых копеек. На верхушке головного убора прикреплён четырёхугольный белый крапивный <или> конопляный платок, который сзади свисает до верхней части шеи, а также, подобно французским женским капорам или куаффюрам, может быть при желании, опущен на лицо спереди» [15, 78]. Учёный уточняет способ ношения: «Он надевался на обёрнутый вокруг головы длинный льняной платок так, что надвигается сильно на лоб почти до бровей, почему может стоять на макушке головы, а сзади привязывается вокруг шеи. Сюлык; вышитый белый покров на ашкон, подобный французскому куаффюру» [15, 86]. Д. Г. Мессершмидтом сделан в дневнике набросок женщины в айшоне (рис. 1б). Изображенный им убор не только высок, но и достаточно широк в верхней части, а между его верхними углами существует прогиб.

Подробное описание айшона сделал и руководитель отряда Великой северной экспедиции Герхард Фридрих Миллер, который на пути в Петербург в 1743 г. посетил Казанскую губ. и оставил свидетельства о народах края. Об удмуртских женщинах он писал: «все носят на голове от одного уха к другому бересто, какуюнибудь истканью покрытое, вышиною в четверть аршина. Сверх сего покрываются платком четырехугольным, которого один конец висит спереди, другой сзади, а прочие два по плечам. Сей платок не только по краям разноцветными нитками выстрочен бывает, но ещё и с бахромою и издали много походит на прежние фонтанжи Европейских наших женщин. Такой головной убор называется у них Айшон» [14, 21]. Изображение костюма удмуртки в сочинении Г. Ф. Миллера, к сожалению, скупо на детали (рис. 1в). По нему можно только в общих чертах представить себе высоту и форму убора. Другой участник Великой северной экспедиции Иоганн Георг Гмелин описал айшон как «узкий колпак из бересты» [25]. Изображения народов Казанской губ., иллюстрирующие сочинения этих авторов, связаны между собой (очевидно, были сделаны с одних натуральных набросков). Иллюстрации к Г. Ф. Миллеру оставляют впечатление, что прорисовки для них выполнил человек, не обладавший художественным образованием: на листах – одиночные фигуры представительниц различных этносов, они обращены то лицом, то спиной к зрителю, их пропорции нарушены. Нетрудно заметить, что те же этнические типажи (их позы и костюмы очень близки) стали основой для создания многофигурных композиций иллюстрирующих И. Г. Гмелина (на одном листе – татарки и удмуртка, на другом – чувашки и марийки), но эти гравюры создал профессиональный художник (рис. 1г). И. Г. Гмелин опубликовал свои материалы раньше, но неказистые фигуры Г. Ф. Миллера, очевидно, ближе к экспедиционным зарисовкам, они содержат детали, отсутствующие на гравюрах из сочинения И. Г. Гмелина.

Большой вклад в изучение народов России внесли участники Больших академических экспедиций (1768-1774 гг.) П. С. Паллас, И. П. Фальк, И.-Г. Георги. В «Записках» Иоганна Петера Фалька нет описаний одежд народов Вятского края [20], но среди иллюстрирующих его материалы гравюр есть изображение (рис. 2а), на котором удмуртка в айшоне представлена в двух ракурсах [24, III, XXXII]. Благодаря этому можно рассмотреть манеру ношения покрывала: свисающий на спину платок заложен глубокими складками. Композиция его декора не читается, но, прорисованные художником детали узнаваемы, так

как являются характерными для этих покрывал [28]. Подготовил полевые записи И. П. Фалька к публикации Иоганн Готтлиб Георги. Его данные об удмуртском головном уборе лишены подробностей, однако содержат описание прически, носимой с айшоном: «Голову покрывают вышитой и бахромой обложенной фатой, которая перетянута над головой через высокий обруч и опущена на спину. У самых ушей оставляют они по клочку волос, который обыкновенно узлом затягивают [...] Голову покрывают они зимой платком, который завязывают под подбородком, а на оный надевают шапку с берестовым столбом, чем ни есть покрытым, и накидывают на него помянутую фату, висящую по спине и служащую также покрывалом» [5, 92]. Художник Христофор Рот – автор галереи графических образов народов России, созданной для журнала «Открываемая Россия» (1774–1775 гг.; ими будет проиллюстрировано и «Описание...» И.-Г. Георги), не был участником экспедиций, не делал этнографических зарисовок с натуры. Созданные им образы – это обобщение доступных на тот момент визуальных источников. Костюм «вотячки» на гравюре Х. Рота (рис. 2б) несколько отличается от изображенного на «вотячке» И. П. Фалька, различны и головные уборы: у Х. Рота сюлык свешивается низко, его бахрома практически достаёт лица, а у И. П. Фалька угол платка – небольшой треугольник, расположенный высоко над лицом.

Пётр Симон Паллас оставил самое подробное описание айшона из всех существовавших на тот момент. П. С. Паллас писал: «Кусок бересты в пядень вышиною сгибают по мере головы в полуцилиндр. Назади мягким куском корки связываются, а внутри деревянную дужкой и поперечным деревцом укрепляются и совокупно держатся; на верхнем краю нашита другая – двойная, сзади к поперечнику деревцом укрепленная, четырёхугольная, почти в пядень высокая берёзовая корка, и так утверждённая, что несколько вперёд выдаётся и по обеим сторонам назад пригнута. Сию верхнюю корку прикрывают обыкновенно красным, а нижнюю иным сукном, а сверх того укладывали последнюю сплошь копейками и оловянными бляшками. Сей в две пядины вышины головной убор «айшун» пришитым назади ремнём на голове укрепляют и, несколько выдав его вперёд, наподобие гренадерской шапки носят. Наибольшую важность придаёт сему головному их украшению в локоть величиною четырёхугольное сукно, которое по краям и по углам красными и синими кофейными нитками вышито, а в середине в четырёхугольный узор украшено и вокруг в палец шириною полосками синими, красными и белыми шнурками обложено бывает.

Сие на верхнем краю коры прикрепляется так, чтобы один угол над верхней берестой вниз висел и её покрывал и чтобы серебряными и оловянными бляшками украшенное место было видно. Два угла покрывают всю сторону убора и голову даже до плеч, а четвёртый висит на заде по спине под сим головным убором женщины заплетают свои волосы в косы, висящие через уши и завязывают в толстый пучок, который иные кораллами и гремушками украшают» [18, 31].

Если описание народов России и их одежд входило в планы участников больших экспедиций Петербургской академии наук, то у французских астрономов, совершивших в XVIII в. свои путешествия в Сибирь, были другие цели. Но и они не смогли пройти мимо экзотичных для них этнографических реалий, не оставив записей. Жозеф-Николя Делиль в 1740 г. организовал экспедицию в Берёзов ради наблюдения прохождения Меркурия по диску солнца. Его помощник Тобиас фон Кёнигфельс вёл дневник и в нём оставил описание айшона: «Женщины носят своеобразный головной убор, состоящий из высокой, в два фута (Suen), шапки в три этажа: а) украшенный оловом (у богатых серебром, но таких очень мало); б) разными кораллами, бусинами (у самых знатных также с когтями) и монетами наподобие франков» [13, 339].

В 1761 г. Россию посетил французский астроном аббат Жан Шапп де'Отрош, прибывший в Тобольск для наблюдения за прохождением Венеры по солнечному диску. Впечатления от этой поездки он опубликовал в 1768 г., оставив следующее описание айшона: «Головной убор вотякских женщин достаточно необычен: вначале они покрывают голову тканью, затем с помощью двух шнурков сверху они прикрепляют что-то вроде шлема из древесной коры, в передней части он украшен куском ткани и монетками. Затем этот шлем покрывается платком, вышитым льном и шерстью различных цветов, по кругу идёт бахрома; этот головной убор делает их выше приблизительно на фут» [9]. Шапп де'Отроша в его путешествии сопровождал художник Жан-Батист Лепренс. Прожив в России пять лет (1758–1763 гг.), Лепренс создал большую серию зарисовок, в числе которых есть и изображение удмурток (рис. 2в, 2г). Изображения одиночных фигур «вотячек» у Лепренса и Х. Рота схожи. Более информативна для этнографов композиция Лепренса, на которой представлена сцена надевания айшона (рис. 2г). В её центре помещена сидящая женская фигура, на голове у неё закреплен остов айшона не покрытый платком. Отсутствие покрывала даёт возможность рассмотреть конструкцию остова и декор: высокое цилиндрическое основание перекрыто

а)

б)

в)

г)

Рис. 1. Изображения удмурток а) у А. Мейерберга [1]; б) у Д. Г. Мессершмидта [15]; в) у Г. Ф. Миллера [14]; г) у И. Г. Гмелина [26].

a)

б)

в)

г)

Рис. 2. Изображения удмурток а) у И. П. Фалька [24];
б) Х. Рота [5]; в, г) Лепренса [23].

4-угольной «подушкой», выдвинутой слегка вперёд. Перед сидящей женщиной стоят две удмуртки в айшонах, покрытых платками, а рядом с нею девочка, которая рукой указывает на расправленный платок. Изображение айшона Лепренса соответствует его описанию у де'Отроша: каркас айшона надет на голову, покрытую тканью; изображены и «шнурки», с помощью которых он удерживался на голове; на осто́ве убора, в его нижней части, видны нашитые монеты. Благодаря этому изображению Лепренса мы видим и элемент конструкции айшона, о котором писал П.-С. Паллас – укрепленный на вершине осто́ва, слегка выдающийся вперёд высотой «почти в пядень» четырёхугольник из «двойной» бересты [18, 31].

Вербальный текст и визуальный образ, созданные в разное время, взаимно дополняют друг друга. Изображенная Лепренсом берестяная «подушка», имеет в центре прогиб. Вероятно, именно этот элемент придавал айшонам характерную форму с выдвинутым вперёд верхним краем и узнаваемый силуэт с выступающими углами. Такой формы айшоны можно видеть на наброске Д. Г. Мессершмидта [15, 140], на «вотячках» Х.-М. Рота и Лепренса. Петр Рычков в «Топографии Оренбургской» так описывает удмуртский женский головной убор: «А женский пол на головах носят сделанную наподобие рогов бересту и накрывают сверху платками, вышитыми шёлком и мишурой, а которые побогаче, те и золотом, иные на лбу нанизывают серебрянные и оловянные деньги» [21, 99]. Вероятно, так был описан убор завятских удмурток, «рогатость» которому придавал прогиб в его верхней части.

Описывая айшон, Г. Ф. Миллер сообщает важную подробность: «Женской убор надевают на девок при свадьбах в церемонии» [14, 21]. Айшон надевали девушке-невесте в доме жениха, во время специального обряда первого надевания этого убора (*вилькен изьыян*), осуществлявшегося молодыми женщинами, он был «знаком перехода девушки в род мужа. Сзади на айшон накидывался большой вышитый, с шелковой бахромой платок (сюлык)» [2, 64]. Возможно, Лепренс запечатлел этот свадебный обряд: сидящая фигура в композиции – невеста, а стоящие женщины – это помощницы (в руках у одной из них – покрывало). Очевидно, что помощь в надевании айшона имела ритуальный характер, так как удмуртские женщины легко справлялись с этой задачей самостоятельно.

Требование носить айшон молодыми замужними женщинами в прошлом было, видимо, очень строгим: по свидетельству П. С. Палласа «только вдовы и самые престарелые освобождаются от сего» [18, 32]. Его надевали даже в очень

неудобных обстоятельствах. Так, Г. Ф. Миллер отметил: «Удивления достойно, когда случится ночью поздно проезжому к Вотьякам захватить; ибо, как их жены пробудившись от сна с печи долой полезут, то оне в своём уборе весьма странны покажутся; что мне неоднократно случалось видеть. Оне весьма скоро умеют убирать свои головы» [14, 21]. И. Г. Гмелин, описывая как разбуженные ночью удмуртские женщины поднимались с постелей только в айшонах, уточнял, что они, когда ложатся спать, свои уборы кладут рядом [25, 90]. П. С. Паллас свидетельствовал о том же: «Никакая замужняя женщина не показывается без помянутого убора перед чужими, и когда приезжие к ночи в дом к Вотьяку приходят, то женщины во всем своем головном уборе спать ложатся, и во всех работах и движениях не токмо не теряют онаго, но стараются и не покривить его» [18, 32]. Здесь уместно вспомнить и замечание С. Герберштейна: «Когда я спросил их, как они в столь высоких (уборах) пробираются между деревьев и кустарников, что им приходится делать часто, они отвечали: «А как проходит олень, у которого (рога) на голове ещё выше?»» [6, 387].

На гравюрах в сочинении И. П. Фалька и Шапп де'Отроша можно рассмотреть удмуртский женский костюм со спины (рис. 2а, 2в) и судить о различиях в манере ношения покрывала сюлык, которые существовали уже в XVIII в. и сохранялись в нач. XX в. У И. П. Фалька сюлык заложен в две глубокие, идущие от вершины складки [24], ту же манеру ношения покрывала можно видеть на фотографии 1887 г. удмурток из с. Завьялово Сарапульского у. Вятской губ. [12, 91], а также на фото Сирелиуса 1907 г. у удмурток д. Кучум-Норья того же уезда. У Лепренса сюлык расправлен по спине и по плечам, также, как на фотографии удмуртки из Елабужского у. Вятской губ., которую опубликовал И. Маннинен [27, 72].

Обсуждение и заключение

В приведённых выше описаниях айшона, можно выделить «ядро» основных характеристик убора. Первое, на что обращали внимание путешественники – это материал, из которого изготавливался остов; практически все в этом качестве упоминают бересту (С. Герберштейн и де'Отрош указали: «из древесной коры»). Форму айшона описывали по-разному: «вроде диадем», «заправленные в обруч» (С. Герберштейн), «вроде шлема» (де'Отрош), «столб» (И.-Г. Георги), «узкий колпак» (И. Г. Гмелин), «полуцилиндр» (П. С. Паллас). Несколько выбивается из этого ряда характеристика формы айшона, данная П. И. Рычковым: «наподобие рогов».

Высота убора по Д. Г. Мессершмидту и де'Отрошу равнялась футу, по П. С. Палласу «две пядины», (разными мерами обозначена одна длина – примерно 30–35 см). Г. Ф. Миллер указал высоту айшона в четверть аршина, что составляет всего 17,75 см, а по свидетельству Т. Кёнигфельса она равна двум футам (61 см). По этнографическим данным высота айшона у разных локальных групп могла варьироваться от 5-7 см до 35 см [12, 88, 129]. Этим значениям соответствуют величины, приведённые почти во всех описаниях (данные Т. Кёнигфельса – явное преувеличение).

Многие авторы отмечали, что каркас айшона покрывался текстилем: «какой-нибудь истканью» (Г. Ф. Миллер), «в передней части он украшен куском ткани», (де'Отрош), «чем ни есть покрытое» (И.-Г. Георги), «белой крапивной тканью» (Д. Г. Мессершмидт), «верхнюю корку покрывают обыкновенно красным, а нижнюю иным сукном» (П. С. Паллас) – в двух последних описаниях указан даже цвет и материал. Исследователи обращали внимание и на то, что этот текстильный чехол «в передней части» (де'Отрош), «надо лбом на половину высоты» (Д. Г. Мессершмидт) был украшен нашитыми монетами (де'Отрош), «копейками и оловянными бляшками» (П. С. Паллас), серебряными и оловянными деньгами (П. Рычков), «оловом или серебром, разными кораллами, бусинами, монетами наподобие франков» (Т. Кёнигфельс), «множеством стеклянных бус и разноцветной эмалью (бисер) и четырьмя-пятью рядами свинцовых копеек» (Д. Г. Мессершмидт), а также, мог быть «вышит разноцветной шерстью и шёлком» (он же).

Зафиксирован был и способ ношения – надевание убора на «обернутый вокруг головы платок» «длинный, льняной» (Д. Г. Мессершмидт), для этого «вначале покрывают голову тканью» (де'Отрош), о том же свидетельствовал И.-Г. Георги. Описали учёные и способ фиксации высокой конструкции на голове «сзади привязывается вокруг шеи» (Д. Г. Мессершмидт), «с помощью

двух шнурков» (де'Отрош) или «пришитым назад ремнём на голове укрепляют» (П. С. Паллас).

Путешественники XVIII в. дали характеристику платку, покрывающему остов убора: это «четырёхугольный белый крапивный или конопляный» (Д. Г. Мессершмидт), (согласно П. С. Палласу он был суконным «в локоть величиною»), вышитый «по краям и по углам красными и синими кофейными нитками» (П. С. Паллас), «льном и шерстью» (де'Отрош), «шёлком и мишурой» (П. И. Рычков). Г. Ф. Миллер и де'Отрош отметили наличие у покрывала бахромы.

Описывая удмуртский айшон, исследователи сравнивали его с популярными в 90-е годы XVII в. – начале XVIII в. в Европе женскими высокими причёсками. Д. К. Мессершмидт находит его подобным «французским женскими капорам или куаффюрам» (от франц. *coiffure* «головной убор; причёска», так называли сложные, пышные причёски), И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер сравнивали его с фонтажами европейских женщин. Фонтаж – это высокая причёска, украшенная накрахмаленными кружевами, популярная в Европе в конце XVII – начале XVIII в. В холодное время поверх неё могла накидываться шаль, что только усиливало внешнее сходство с айшоном.

Описания айшона XVI – XVIII в. в целом соответствуют друг другу, отмечают общий ряд признаков, существенных в характеристике формы, размеров, декора и основных элементов убора, его изображения соотносятся с описаниями (даже если они были сделаны в разное время); и тексты, и визуальные образы соответствуют этнографическим данным XIX – начала XX в. Всё это свидетельствует об объективном отражении в этих источниках характеристик убора. Рассмотренные в статье изображения айшона визуализируют способ его ношения и укрепления на голове, особенности украшения и конструкции. Кроме того, они зафиксировали и некоторые различия в форме убора, обусловленные, вероятно, существовавшими локальными различиями в конструкции его остова, а также различия в манере ношения платка-покрывала.

Список источников и литературы

1. Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века / объяснительные примеч. к рис. сост. Ф. Аделунгом, вновь просмотр. и доп. А. М. Ловягиным. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. 189 с.
2. Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов: материалы к этногенезу. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 140 с. (Серия «Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия», Т. 10).
3. Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: Новое литературное обозрение, 2011. 368 с.
4. Галямов А. А. Образы обских угров в академических изданиях второй половины XVIII века: гравюры Х. Рота // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 789–797.
5. Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: Русская симфония, 2005. 816 с.

6. Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А. Л. Хорошкевич. М.: Памятники историч. мысли, 2008. Т. 1. 776 с.; Т. 2. 656 с.
7. Гмелин И. Г. Путешествие в Сибирь / [Пер. с нем. Д. Ф. Криворучко]. Соликамск: [б. и.], 2012. 86 с.
8. Жабрева А.Э. Изображения костюмов народов России в трудах ученых Петербургской Академии наук XVIII века // Справочно-библиографическое обслуживание: традиции и новации. СПб.: БАН, 2007. С. 201–214.
9. Каррер д'Анкосс. Э. Императрица и аббат: Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отроша / [Пер. с франц. О. А. Павловской]. М.: ОЛИМАПРЕСС, 2005. 463 с.
10. Киссер Т. С. Костюмы и рисунки: визуальное народоведение И. Г. Георги // Три века российской этнографии: страницы истории. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 33–46.
11. Крюкова Т. А. Коллекция П. С. Палласа по народам Поволжья // Сборник музея антропологии и этнографии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 139–159.
12. Лебедева С. Х. Удмуртская народная одежда. Ижевск: Удмуртия, 2008. 208 с.
13. сибирской экспедиции академика Ж.-Н. Делиля в 1740 г.: Документы из архивохранилищ России и Франции / отв. ред. Н. В. Кирющенко. СПб.: Историческая иллюстрация, 2017. Т. II. 784 с.
14. Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Импер. АН, 1791. 99 с.
15. Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Ижевск: Удмуртия, 2001. 224 с.
16. Нечвалода Е. Е. Изображение удмуртки и марийки в альбоме Августина Мейерберга (историко-этнографический анализ графического источника) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10. Вып. 2. С. 125–140.
17. Нечвалода Е. Е. Традиционная женская одежда удмуртов в материалах экспедиции Шапп де'Отроша // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. Вып. 1. С. 101–108.
18. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Русского государства. СПб.: Импер. АН, 1788. Ч. 3. 655 с.
19. Пекарский П. П. Путешествие академика Николая Иосифовича Делиля въ Березовъ въ 1740 году. СПб.: Тип. АН., 1865. 74 с.
20. Полное собрание Ученых путешествий по России. СПб.: Тип. Импер. АН, 1824. Т. 6: Записки путешествия Академика Фалька. 546 с.
21. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. 312 с.
22. Харлампович К.В. Известия Г. Гмелина о Казани и о казанских инородцах (1733). Казань: Типо-лит. Импер. ун-та, 1904. 26 с.
23. Chappe d'Auteroche. Voyage en Sibirie, fait par ordre du roi en 1761; contenant les moeurs et les usages des Russes, et l'état actuel de cette puissance; la description géographique & le nivellement de la route de Paris à Tobolsk; l'histoire naturelle de la même route; des observations astronomiques et des expériences sur l'électricité naturelle. Paris: Debure, 1768. Т. I. 677 p.
24. Falk I.P. Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. Bd. 1–3. Saint-Petersburg: Gedr. bey der Kayserl. Acad. der Wissenschaften, 1785–1786. Vol. 1. 402 p.; Vol. 2. 282 p; Vol. 3. 584 p.
25. Gmelin J.G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Göttingen: Verlegst Abram Vandenhoecks Seel, 1751. Vol. 1. 467 p.
26. Histoire générale des voyages ou Nouvelle collection de toutes les relations de voyages par mer et par terre, qui ont été publiées jusqu'à présent dans les différent langues de toutes les nations connues...: Pour former une système complet d'histoire & de géographie moderne, qui représentent l'étaactuel de toutes les nations. [Trad. et red. par A. F. Prévost]. Paris: Chez Didot, 1768. Т. XVIII. 576 p.
27. Manninen I. Die Kleidung // Kansatieteellinen Arkisto. 1957. 13: II. Pp. 53–178.
28. Nechvaloda E.E. The 18th-Century Udmurt Women's Outfits Depicted in J.P. Falk's Book: Interpretation and Attribution // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2019. 47(1). Pp. 119–126.

References

1. *Album Mejerberga. Vidy i bytovye kartiny Rossii XVII veka* [Meyerberg's Album. Types and everyday paintings of Russia of the XVII century]. Saint-Petersburg: Tip. A. S. Suvorina Publ., 1903. 189 p. (In Russian)
2. Belitser V. N. *Narodnaja odezhda udmurtov: materialy k jetnogenezu* [Udmurt folk clothing: materials for ethnogenesis]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1951. 140 p. (*Seriya «Trudy instituta jetnografii im. N. N. Mikluho-Maklaja. Novaja serija»*, T. 10 [Proceedings of the Miklukho-Maklay Institute of Ethnography. New series. Vol. 10]. (In Russian)
3. Vishlenkova E. *Vizual'noye narodovedeniye imperii, ili «Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu»* [Visual ethnic studies of the Empire, or «Not everyone is able to see the Russian»]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2011. 368 p. (In Russian)
4. Galyamov A. A. *Obrazy obskikh ugrov v akademicheskikh izdanijah vtoroj poloviny XVIII veka: gravjury H. Rota* [Images of the Ob Ugrians in academic publications of the second half of the XVIII century: engravings of Ch. Roth]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (4), pp. 789–797. (In Russian)
5. Georgi I.-G. *Opisanie vseh obitajushchih v Rossijskom gosudarstve narodov: ih zhitejskikh obrjadov, obyknovenij, odezhd, zhilishh, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugih dostopamjatnostej* [Description of all the peoples living in

- the Russian state: their everyday rites, customs, clothes, dwellings, exercises, fairs, religions and other memorials]. Saint-Petersburg: Russkaja simfonija Publ., 2005. 816 p. (In Russian)
6. Herberstein S. *Zapiski o Moskovii. V 2 t.* [Notes about Moscovia. In 2 vol.]. Ed. by A. L. Khoroshkevich. Moscow: Pamjatniki istoricheskoi mysli Publ., 2008. Vol. 1. 776 p.; Vol. 2. 656 p. (In Russian)
7. Gmelin I. G. *Puteshestvie v Sibir'* [Travel to Siberia]. Ed. by E. V. Smirnov; transl. from German by D. F. Krivoruchko. Solikamsk: [w/p], 2012. 86 p. (In Russian)
8. Zhabreva A. E. *Izobrazhenija kostjumov narodov Rossii v trudah uchenyh Peterburgskoj Akademii nauk XVIII veka* [Images of costumes of the peoples of Russia in the works of scientists of the St. Petersburg Academy of Sciences of the XVIII century]. *Spravocno-bibliograficheskoe obsluzhivanie: tradicii i novacii: sb. nauch. tr.* [Reference and bibliographic service: traditions and innovations: collection of scientific works]. Saint-Petersburg: BAN Publ., 2007. pp. 201–214. (In Russian)
9. Karrer d'Ankoss. Je. *Imperatrice i abbat: Nezdannaja literaturnaja dujel' Ekateriny II i abbata Shappa d'Oterosha* [The Empress and the Abbot: Unpublished literary duel of Catherine II and the Abbe Chappe d'Auteroche]. Trans. from the French by O. A. Pavlovskaya. Moscow: Olma-Press Publ., 2005. 463 p. (In Russian)
10. Kisser T. S. *Kostjumi i risunki: vizual'noe narodovedenie I. G. Georgi* [Costumes and drawings: visual folk studies of I. G. Georgi]. *Tri veka rossijskoj jetnografii: stranicy istorii* [Three centuries of Russian ethnography: pages of history]. Moscow: IEI RAN Publ., 2017. pp. 33–46. (In Russian)
11. Kryukova T. A. *Kollekcija P. S. Pallasa po narodam Povolzh'ja* [Collection of P. S. Pallas on the peoples of the Volga region]. *Sbornik muzeja antropologii i jetnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1949. Vol. 12. pp. 139–159. (In Russian)
12. Lebedeva S. Kh. *Udmurtskaja narodnaja odezhda* [Udmurt folk clothing]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2008. 208 p. (In Russian)
13. *Materialy sibirskoj jekspedicii akademika Zh.-N. Delilja v 1740 g.: Dokumenty iz arhivohranilishh Rossii i Francii* [Materials of the Siberian expedition of academician Zh. N. Delil in 1740: Documents from the archives of Russia and France]. Ed. by N. V. Kiryushchenko. Saint-Petersburg: Istoricheskaya illyustracija Publ., 2017. Vol. II. 784 p. (In Russian)
14. Miller G. F. *Opisanie zhivushhijh v Kazanskoj gubernii jazycheskijh narodov, jako to cheremis, chuvash i votjakov* [Description of pagan peoples living in the Kazan province, such as the Cheremis, Chuvash and Votyaks]. Saint-Petersburg: Imper. AN Publ., 1791. 99 p. (In Russian)
15. Napol'skih V. V. *Udmurtskie materialy D. G. Messerschmidta* [Udmurt materials of D. G. Messerschmidt]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2001. 224 p. (In Russian)
16. Nechvaloda E. E. *Izobrazhenie udmurtki i marijki v al'bome Avgustina Mejerberga (istoriko-jetnograficheskij analiz graficheskogo istochnika)* [Image of the Udmurt and Mari women in the album by Augustin Meyerberg (historical and ethnographic analysis of the graphic source)]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2016, no. 10 (2), pp. 125–140. (In Russian)
17. Nechvaloda E. E. *Tradicionnaja zhenskaja odezhda udmurtov v materialah jekspedicii Shapp d'Otrosha* [Traditional Udmurt woman clothing in the materials of the expedition of Chappe d'Auteroche]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2019, no. 13 (1), pp. 101–108. (In Russian)
18. Pallas P. S. *Puteshestvie po raznym provincijam Russkogo gosudarstva* [Journey to different provinces of the Russian state]. Saint-Petersburg: Imper. AN Publ., 1788. P. 3. 655 p. (In Russian)
19. Pekarskiy P. P. *Puteshestvie akademika Nikolaja Iosifovicha Delilja v Berezov v 1740 godu* [Journey of academician Nikolay Iosifovich Delil in Beryozov in 1740]. Saint-Petersburg: Tip. AN Publ., 1865. 74 p. (In Russian)
20. *Polnoe sobranie Uchenyh puteshestvij po Rossii* [Full collection of scientific travels over Russia]. Saint-Petersburg: Tip. Imper. AN Publ., 1824. Vol. 6. 546 p. (In Russian)
21. Rychkov P. I. *Topografija Orenburgskoj gubernii* [Topography of the Orenburg Guberny]. Ufa: Kitap Publ., 1999. 312 p. (In Russian)
22. Kharlampovich K. V. *Izvestija G. Gmelina o Kazani i o kazanskih inorodcah (1733)* [News of G. Gmelin about Kazan and about the Kazan allogenes (1733)]. Kazan: Tpo-lit. mp. Un-ta Publ., 1904. 26 p. (In Russian)
23. Chappe d'Auteroche. *Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761; contenant les moeurs et les usages des Russes, et l'état actuel de cette puissance; la description géographique & le nivellement de la route de Paris à Tobolsk; l'histoire naturelle de la même route; des observations astronomiques et des expériences sur l'électricité naturelle.* Paris: Debure, 1768. Vol. I. 677 p. (In French)
24. Falk I. P. *Beyträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs.* Bd. 1–3. Saint-Petersburg: Gedruckt bey der Kayserl. Akademie der Wissenschaften, 1785–1786. Vol. 1. 402 p.; Vol. 2. 282 p.; Vol. 3. 584 p. (In German)
25. Gmelin J. G. *Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743.* Göttingen: Verlegt Abram Vandenhoeks Seel. 1751. Vol. 1. 467 p. (In German)
26. *Histoire générale des voyages ou Nouvelle collection de toutes les relations de voyages par mer et par terre, qui ont été publiées jusqu'à présent dans les différentes langues de toutes les nations connues... : Pour former un système complet d'histoire & de géographie moderne, qui représente l'état actuel de toutes les nations* [Trad. et red. par A. F. Prévost]. Paris: Chez Didot, 1768. T. XVIII. 576 p. (In French)
27. Manninen I. Die Kleidung. *Kansatieteellinen Arkisto*, 1957, no. 13 (II), pp. 53–178. (In German)

28. Nechvaloda E. E. The 18th-Century Udmurt Women's Outfits Depicted in J.P. Falk's Book: Interpretation and Attribution. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2019, no. 47 (1), pp. 119–126. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нечвалода Елена Евгеньевна, старший научный сотрудник, Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН (450077, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 6), кандидат исторических наук, доцент.
pishi-nikonor@yandex.ru
ORCID.ID: 0000-0001-5267-4830

ABOUT THE AUTHOR

Nechvaloda Elena Evgenyevna, Senior Researcher, R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Branch of the Russian Academy of Sciences (450077, Russian Federation, Republic of Bashkortostan, Ufa, Karla Marksa st., 6), Candidate of Historical Sciences.
pishi-nikonor@yandex.ru
ORCID ID 0000-0001-5267-4830